

Фредерик Марриет

Три яхты

Фредерик Марриет

Три яхты

«Public Domain»

1836

Марриет Ф.

Три яхты / Ф. Марриет — «Public Domain», 1836

«Были ли вы когда-нибудь в Плимуте? Если были, взор ваш, наверно, с восхищением останавливался на прелестном имении графа Моунт-Эджкома; если не были, то чем скорее там будете, тем лучше. На Моунт-Эджкомской даче увидите вы лучший строевой лес в мире. Кто не видал этого леса, тот ничего не видал; леса, величественно возвышающегося на вершинах холмов, который потом спускается по скату их до самого взморья. С того же чудесного места открывается одна из великолепнейших панорам в свете: вы увидите – я даже не знаю, чего тут не увидите! – вы увидите Рамгет и Коузендбе, Бриджватер, Дреков остров и Чертов мост под ногами; далее Плимут, с его укреплениями, и Го; далее Чертов мыс; и, наконец, самого черта, не считая новых провиантских магазинов. Против этих магазинов сэр Джемс Гордон останавливается всякий день и берет табаку у всех прохожих, имеющих табакерки: они в восхищении, что потчуют честного баронета табачком; он в восхищении, что его потчуют, – что доказывает, какая масса восхищения для людей может заключаться в нескольких табакерках...»

Содержание

I. Первая яхта	5
II. Вторая яхта	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Фредерик Марриет

Три яхты

I. Первая яхта

Были ли вы когда-нибудь в Плимуте? Если были, взор ваш, наверно, с восхищением останавливался на прелестном имении графа Моунт-Эджкома; если не были, то чем скорее там будете, тем лучше. На Моунт-Эджкомской даче увидите вы лучший строевой лес в мире. Кто не видал этого леса, тот ничего не видал; леса, величественно возвышающегося на вершинах холмов, который потом спускается по скату их до самого взморья. С того же чудесного места открывается одна из великолепнейших панорам в свете: вы увидите – я даже не знаю, чего тут не увидите! – вы увидите Рамгет и Коузендбе, Бриджватер, Дреков остров и Чертов мост под ногами; далее Плимут, с его укреплениями, и Го; далее Чертов мыс; и, наконец, самого черта, не считая новых провиантских магазинов. Против этих магазинов сэр Джемс Гордон останавливается всякий день и берет табаку у всех прохожих, имеющих табакерки: они в восхищении, что потчуют честного баронета табачком; он в восхищении, что его потчуют, – что доказывает, какая масса восхищения для людей может заключаться в нескольких табакерках. После того вы увидите Моунт-Вайз и Муттонков, город Дивонпорт с его великолепными верфями, доками и арсеналом, Норт-Корнер и дорогу в Солтем. Вы увидите корабли строящиеся и корабли только что выстроенные; суда ремонтируемые и суда починенные; блокшивы, плашкоуты, транспорты, брантвахты; суда, готовые вступить под паруса, и суда, идущие взад и вперед под парусами, не говоря уже о перевозных ботах, портовых баркасах, шлюпках с военных и купеческих судов и маркитантских и рыбацких, лодках. Словом сказать, многое можно увидеть в Плимуте. Но теперь я в особенности желаю, чтобы вы остановились на холмах Моунт Эджкомских и смотрели вниз, в небольшой залив Берниуль: там увидите стоящее на одном якоре небольшое судно, которое мы, моряки, называем тендером, и, по его вымпелу и флагу, легко догадаетесь, что это чья-нибудь яхта.

Из всех удовольствий, сокращающих время английского gentry, то есть почти дворянства, нет ни одного, столь сильного, столь национального и более приводящего меня в восхищение, как катанье на яхтах. Оно весьма согласно и с характером англичан – не по одному только географическому положению их отечества и множеству превосходных гаваней и рейдов, но и потому, что для подобного увеселения требуются некоторая степень твердости характера и значительные деньги, которые в Англии текут реками.

Катание на яхтах с мудрой целью было введено и поддерживаемо английскими монархами, которые чувствовали, что безопасность королевства требует, чтобы все его жители более или менее были моряки или, по крайней мере, понимали морское дело. Удовольствие это важно еще и потому, что оно улучшает постройку и вооружение судов и дает работу множеству плотников и матросов. Но если я стану говорить похвальное слово катанью на яхтах, повесть моя, наверно, никогда не начнется. Я предлагаю тост за здоровье адмирала лорда Ярборо и всего яхт-клуба и начинаю.

Яхта эта, как я уже сказал, вооружена тендером и красиво сидит на гладкой поверхности воды; она снимается с якоря, распустила парус и скоро выступит в море; несколько дам сидят на палубе, и пять сеток с дичиной висят за кормой. Взойдем на это милое судно. Палуба набрана из узких, длинных досок, белых, как снег: вы не увидите на них ни одного сучка; медные пушки отполированы и, как жар, горят на солнце; все приборы и переборки – из цельного красного дерева; все карнизы вызолочены. Ни в чем нет недостатка. А между тем как чисто, как просторно на палубе! Спустимся внутрь судна.

Вот дамская каюта. Есть ли что-нибудь в мире, отделанное с большим вкусом, щегольством, роскошью? Вот столовая каюта, где теперь сидят мужчины; найдите мне на суше комнату, более изящную и богатую. Заглянем в буфет и в каюту буфетчика; он выжимает лимонный сок для пунша; подле него стоит шампанское во льду; а там лучший в мире портвейн и в готовности целый ряд бутылок с превосходными винами. В передней части судна матросская жилая комната: как просторно, как удобно! Совсем не то, что на военных судах, где матросам тесно, как сельдям в бочке; здесь, напротив, роскошь проглядывает везде, даже и под баком. А какова, например, кухня? Ведь чудо! И как восхитителен душистый пар супа *a la tortue*? Если подвергаться опасностям от морских непогод, так уж, по крайней мере, подвергаться на таком судне.

Теперь я хочу познакомить вас с собравшимися там лицами.

Заметьте этого пожилого, здорового и красивого мужчину в синей куртке и белых шароварах, со зрительной трубой в одной и стаканом коньяку с водой в другой руке – это хозяин, член яхт-клуба лорд Бломфильд. Он выглядит моряком, и в самом деле он моряк; а между тем мне случалось видеть его в мантии пэра при открытии парламента. Подле него стоит мистер Стюарт, лейтенант королевского флота; он держится одной рукой за ванты, потому что был всю жизнь в действительной службе и не знает, что делать со своими руками, когда в них нет рюмки или зрительной трубы. Он *protege* благородного лорда и исправляет на яхте должность штурмана.

Этот статный мужчина, стоящий у компаса, – мистер Готен. Он служил во флоте мичманом шесть лет и разлюбил море; прослужил другие шесть лет в кавалерийском полку и разлюбил лошадей; наконец, он женился и в гораздо меньший промежуток времени разлюбил женщин.

Теперь он принят в лучшем обществе и страстный любитель чужих яхт и жен, видя невозможность быть любителем своей собственной.

Молодой человек в вышитом шелковом жилете и белых перчатках, наклонившийся к одной из дам, – это мистер Вогген; его можно видеть в аристократических собраниях Альмака, в модном «аду» у Крокфорда, везде, где угодно. Он немножко в долгах и оттого находит катанье на яхте по морю-океану весьма приятным.

Тот, что сидит между дамами, – родственник лорда; с первого взгляда можно угадать, что это за человек. Он корчит из себя моряка: не бреется, потому что морякам часто некогда бриться; редко меняет белье, потому что моряки не могут делать это всякий день, курит непривычную сигару, от которой у него кружится голова, и рассказывает об удовольствиях бушующего моря, зная наверное, что во время непогоды дамы уйдут вниз и не увидят, что его укачало больше их самих. Он имел несчастье родиться для получения большого наследства и имеет счастье от природы быть глупцом. Фамилия его Оссультон. Он сродни лорду Бломфильду, их фамилии идут от одного корня.

Мне остается еще познакомить вас с одним человеком, которого зовут мистер Сигров; он недурен собою, худощав; черты лица его приятны, даже умны. Его воспитывали для крючкотворства, к которому имеет он все способности, к сожалению, еще не употребленные, потому что он ни в каком деле не был, да, кажется, и не будет адвокатом.

Мистер Сигров хорошо играет на скрипке, и по этой причине приглашен в общество, собранное лордом Бломфильдом на яхте.

Теперь надобно описать дам; мне, может быть, следовало начать этим; да уж так и быть, я держусь правила, что лучшее должно оставлять к концу; это также правило всех фокусников.

Начнем по старшинству. Сорокапятилетняя девица, высокая, тонкая, смотрящая исподлобья, – сестра лорда Бломфильда. Ее не могли уговорить приехать на яхту; но властолюбие не позволило ей оставить своей племянницы под присмотром одного только отца. Ее все пугает. Если она сидит в каюте, и на палубу упадет конец веревки, она вскакивает и кричит: «Ох!».

Если она наверху, ей кажется, что вода течет во все пазы судна, и она кричит: «Ах!». По ней всегда что-нибудь да не ладно. Она ссорится со всеми и надоедает всем своей надменностью и злостью; зато она имеет самые точные понятия о приличиях и жертвует собою долгу своего звания. Это высокочтимая мисс Оссультон.

Прелестная дама, у которой при всякой улыбке являются две ямочки на розовых щеках, – молодая вдова, мистрисс Лессельс. Из угождения родителям она вышла замуж за старика; за этот великодушный поступок справедливое небо наградило ее чином вдовушки и большим имением. Выйдя в первый раз замуж для удовольствия своих родителей, она теперь намерена выйти для своего собственного; она еще очень молода и не слишком торопится.

Эта молоденькая, с нежным выражением девица – мисс Сесилия Оссультон; она резва, остроумна, бесстрашна, но еще почти ребенок; ей не более семнадцати лет.

Таково общество лорда Бломфильда. Экипаж состоит из десяти славных матросов, буфетчика и повара; взяты также на яхту лакей лорда, жокей мистера Оссультона и горничная мисс Оссультон.

Яхта снялась с якоря и летела под всеми парусами между Дрековым островом и твердой землей. Кушанье было на столе; свежий морской воздух придал аппетит всей компании, и общий разговор начался только после снятия со стола скатерти.

– Мистер Сигров, – сказал благородный лорд, – вы чуть было не опоздали к нам; я ждал вас еще в четверг.

– Я весьма сожалею, милорд, что некоторые дела, обязанности моего адвокатского звания, не допустили меня воспользоваться ранее вашим благосклонным приглашением.

– Полно говорить вздор, Сигров, – возразил Готен, – вы вчера вечером сами мне сказывали, что еще не имели ходатайства ни по чьему делу.

– Так; но теперь это случилось совершенно нечаянным образом. Хотя я и не слишком страстный любитель дел, однако же, нужно сказать, случалось и мне иметь довольно важные. Понсонби звал меня с собою в Таттерсаль, желая услышать мое мнение о лошади, которую он хотел купить, а потом я должен был ехать в Форест-Вайльд помочь ему в деле с дядей.

– Так вот чем вы были задержаны! – сказал лорд. – Могу ли узнать, выиграл ли ваш друг свое дело?

– Нет, милорд, он проиграл это дело, но зато выиграл жену.

– Говорите яснее, мистер Сигров, – сказала молоденькая мисс Сесилия Оссультон, дочь лорда.

– Дело в том, что старому Понсонби удивительно хочется женить своего Вильяма на мисс Персиваль, которой земли примыкают к Форест-Вайльду; ну, а мой друг Вильям столько же желает жениться, сколько я люблю ходатайствовать по делам, и потому дядя его сильно рассердился.

– Но для чего же вы были призваны? – спросила мистрисс Лессельс.

– Для того, миледи, что Понсонби никогда не покупает лошадей без моего совета...

– Я все-таки ничего не понимаю, – сказала старая мисс Оссультон, пожимая плечами.

– Извините меня, миледи! Дело в том, – продолжал Сигров, – что так как мне всегда приходится укрощать пылкость лошадей моего друга Вильяма, то ему хотелось, чтобы я помог укротить и гнев его дяди. Это требовало особенного искусства, потому что старик не слушал никаких доводов и хотел всячески заставить его жениться. Только что мы вошли, старый Понсонби попросил меня подождать в другой комнате, а сам остался наедине со своим племянником; к счастью, я мог слышать весь разговор.

– Чем же кончилось? – спросил лорд.

– Уверяю вас, милорд, что эту сцену можно вставить в любую комедию.

Я должен заметить, что природа дала мистеру Сигрову большие комические дарования: он был превосходный мим и мог менять голос как угодно. Рассказывая что-нибудь, он обык-

новенно выводил на сцену действующих лиц, представлял фигуру каждого из них и подражал его голосу. Ежели он говорил, что эту сцену можно вставить в комедию, это значило, что ему хочется, чтобы его просили разыграть ее. За это взялась мисс Сесилия Оссультон.

Мистер Сигров тотчас принялся за дело.

– Можно было бы, – сказал он, – назвать эту комедию «Пять тысяч акров в одной меже, или Прекрасная невеста». (Я не стану описывать жестов господина Сигрова, они соответствовали словам).

– Да, Вильям! – сказал старый Понсонби, остановясь перед племянником со сложенными назад руками. – Могу сказать по совести, что это одно из лучших имений в целой Англии; пять тысяч акров чудесной земли рядом с моей вотчиной... шутка ли!.. Оба имения будут в одной меже.

– Смею сказать, дядюшка, что это меня не прельщает. Потому что вам пришла фантазия соединить два имения, вы и меня хотите захватить в одну межу.

– Да это, мой друг, славная вещь!

– Что, дядюшка, деревня или жена?

– И то, и другое, племянничек, и надеюсь, что ты не станешь противиться!

– Да я, дядюшка, не корыстолюбив; ваших теперешних поместий будет с меня достаточно. С вашего позволения, вместо того, чтобы удваивать имение и удвоиться мне самому, не лучше ли мне быть у вас единственным наследником?

– Да таких золотых случаев, мой друг, надобно ждать целые столетия! Я всю жизнь свою о том только и думал, как бы соединить эти две дачи, и составил даже план преобразования поместья моего соседущки Персиваля. Дом этот мы ломаем, а старое аббатство исправим и отделаем, и тогда, мой друг, пусть и сам герцог Девоншир потягается с нами насчет великолепия, обширности и изобилия вотчины.

– Но я, дядюшка, и в глаза не видал мисс Эмили Персиваль!

– Этакая жирная, здоровая, плодородная почва, что чудо... на ней все родится сам-пятнадцать.

– Надобно прежде посмотреть, какова она!

– Обработанная, мой друг, превосходно!.. По новейшей системе плодосмена!..

– И притом, будет ли она, дядюшка, согласна?

– Стоит только разделить ее на участки, по моей системе, и отдать каждый участок в арендное содержание... Да чему ты смеешься?

– Тому, дядюшка, что вы, кажется, хотите заживо женить меня на жирной земле, а я намерен быть в объятиях такой супруги только после моей смерти.

– В таком случае, сударь, я должен вам заметить, что у меня могут найтись и другие наследники; мне стоит только написать вашему двоюродному брату Джемсу; если он согласится на мое предложение, я сделаю его моим наследником. Вероятно, он лучше вас оценит достоинство Персивалевой дачи...

Старик Понсонби пошел к дверям.

– Постойте, любезный дядюшка, – вскричал Вильям, выскочив из кресла: – мы не совершенно понимаем друг друга. Конечно, я бы лучше желал обладать одним вашим имением и быть холостяком, нежели обладать двумя и в придачу мисс Эмилией Персиваль; но все-таки я не говорил вам, что предпочитаю нищенство двум прекрасным поместьям и жене в одной меже. Я знаю, вы любите быть верным своему слову; я принимаю ваше предложение, чтобы избавить вас этим от издержек писать моему брату Джемсу.

– Ну, вот видишь, Вильям, теперь ты стал умен!

Мне ничего больше не надобно. Я тоже знаю, что ты любишь быть верным своему обещанию, и буду считать это дело устроенным. Я только за этим и посылал за тобою; теперь поезжай, куда тебе угодно. Тебя уведомят, когда все будет готово.

– В понедельник, дядюшка, я должен ехать в Таттерсаль для покупки лошади на нынешнее лето; смею ли спросить, дядюшка, когда вы меня к себе потребуете?

– А вот я тебе сейчас скажу: теперь апрель; я полагаю, около июля.

– Около июля, дядюшка!.. Посадите! Неужели мне жениться, когда собаки бесятся? Нет, я скорее повешусь!

– Пожалуй!.. Оно, действительно, немножко жарко... Так и быть, мы отложим до октября!

– До октября!.. Да я должен в октябре быть в Мельтоне на собачьей травле.

– Сделайте одолжение, сударь, скажите мне, когда же кончатся ваши собачьи дни?

– Очень скоро, дядюшка; но, я думаю, всего лучше было бы отложить до следующего апреля.

– До следующего апреля! Пять тысяч акров отличнейшей земли в одной меже до следующего апреля! Да тут пройдет целая зима! Ну, а если мисс Эмилия Персиваль простудится и умрет?

– Ну так, дядюшка, из предосторожности извольте устроить это к первому сильному морозу.

– Да мы уж несколько лет сряду не видели сильных морозов. Придется ждать целые годы! Нет, не хочу!.. Прощайте, сударь; я сегодня же напишу вашему двоюродному брату Джемсу.

– Что вы, дядюшка!.. Да вы меня обижаете! Вы, может быть, думаете, что я не хочу жениться на невесте, которую вы для меня избрали? Нет, вы меня не знаете. Я не люблю делать вполонину; из уважения к вам, я женюсь в июле, несмотря ни на какую жару!

– Вот за это спасибо, Вильям! Не нужно ли тебе денег на покупку лошади?

– Как не нужно, дядюшка!.. Поверьте мне, что я сдержу свое слово... Лошади теперь, дядюшка, очень дороги... В июле я буду совершенно готов к супружеству... Уж как я торговался с этими проклятыми барышниками: не хотят уступить ни гроша!.. Шестьсот фунтов стерлингов...

– Шестьсот фунтов? Ты с ума сошел!

– В июле месяце, дядюшка, в каникулы...

– Шестьсот фунтов!.. Да это разбой!

– Во всякое время, когда вы прикажете... если только мисс Эмилия.

– Да уж не хлопочи об этом! Это мое дело. Мисс Эмилия!.. Бог с тобою, вот банковый билет в тысячу фунтов; разменяй в Лондоне и пришли мне сдачу по почте... Прощай, поклонись твоему другу Сигрову.

– Таким образом было решено бракосочетание двух поместьев и соединение Вильяма Понсонби с мисс Эмилией Персиваль в одну межу.

– Славно рассказано, мистер Сигров! – сказал лорд. – После этого вы непременно должны распить со мною рюмку вина.

– Признаюсь, я не слишком завидую будущему благополучию мисс Эмили Персиваль, – заметила старая мисс Оссультон.

– Из двух зол надо выбирать меньшее, – промолвил Готен. – Бедному Понсонби нечего делать.

– Что бы подобное предложение сделали мне! – сказал Вогген. – Уж я, наверное, не призадумался бы в выборе!

– В таком случае, я считаю себя весьма счастливой, что я не на месте мисс Эмили Персиваль, – сказала мистрисс Лессельс, смеясь, потому что Вогген сильно за ней ухаживал.

– Мне кажется, Вогген, – заметил Сигров, – что вы немножко повредили себе в общем мнении этим замечанием.

Вогген, думавший то же самое, возразил:

– Мистрисс Лессельс должна быть уверена, что я только шутил.

– Полноте, Вогген! – вскричала мисс Сесилия Оссультон. – Я знаю, что вы сказали это от чистого сердца.

– Ты забываешься, милая Сесилия, – сказала старая миссис Оссультон. – Что ты можешь знать о мужском сердце?

– Вы сами всегда мне говорили, милая тетушка, что мужчины обманщики и что им не должно верить ни в одном слове.

– Ого, Сесилия, ты бросаешь им всем перчатку! – вскричал лорд. – Но я не допущу до борьбы. Я вижу, господа, вы не пьете вина; пойдете лучше наверх пить кофе.

– Мы только что хотели уйти, милорд, – промолвила с колкостью старая мисс Оссультон. – Я только ждала, пока мистрисс Лессельс на нас посмотрит, но она...

– Я смотрела, кажется, в другую сторону, – прервала вдова, улыбаясь.

– Я... я тот несчастный преступник, который отвлек внимание мистрисс Лессельс, – сказал Сигров. – Я рассказывал один анекдот...

– Который, верно, не должен быть слышан всем обществом, потому что вы сообщали его вполголоса, – возразила злая дева. – Ежели мистрисс Лессельс готова... – продолжала она, вскакивая с досадою со стула.

– Я во всяком случае могу дослушать наверху, – ответила вдова.

Дамы встали и ушли в свою каюту. Сесилия и госпожа Лессельс обменялись значительными улыбками, следуя за старой мисс Оссультон. Мужчины также встали и вышли на палубу.

– Славный ветерок, милорд! – сказал Стюарт, оставшийся на палубе. – Мы летим стрелою.

– Тем лучше, – ответил лорд. – Нам бы уже неделю тому назад следовало стоять на якоре в Коуссе. Там все будут прежде нас.

Мистер Оссультон закурил сигару, Стюарт пошел обедать, кофе был подан, ветер дул попутный, и погода сделалась почти теплой. Яхта, которой имя было «Стрела», при помощи течения вскоре оставила Местон далеко за кормою.

II. Вторая яхта

Были ли вы когда-нибудь в Портсмуте? Если были, то уж, верно, восхищались видом с салютационной батареи. Если не были, поезжайте туда как можно скорее. С батареи вы увидите так же, как в Плимуте, порт, арсеналы, доки и часть огромного флота. По другую сторону порта вы увидите Госпорт, Саллипорт и множество других мест. По левую руку будет Соутсибич; перед вами Спитгетский рейд с военными и Мотербенкский с купеческими судами; а там далее остров Байт и Рейд, опушенный лесом, и бухта Коусс, где стоят на якоре яхты.

В самом деле, в Портсмуте много любопытных вещей! но теперь мне некогда их описывать, и я хочу только обратить ваше внимание на небольшое судно, которого канат завязан за бочку подле самой салютационной батареи. Это яхта или, если угодно, тендер. По множеству шлюпок, из которых две подняты на ростры, и по другим признакам вы уже угадали, что она принадлежит таможене и назначена собственно для перехватывания смоглеров, которые, как черти в омуте, вьются в канале и перевозят контрабанду из Франции в Англию и обратно. Она очень походит на судно, торгующее шлюпками. Заметьте, что эта яхта выкрашена вся черной, а гребные суда белой краской, и что она вовсе не так щеголевата и красива, как первая; здесь нет ни сеток с дичиной, ни запаха супа *a la tortue*, ни шампанского, ни бургундского. Зато в одной из сеток, за кормой, торчит баранья нога, а в прочих находятся кочаны капусты и говядина, и для проголодавшегося есть кость с куском мяса, добрый стакан грога и радушный прием.

Взойдем на тендер. Пушки чугунные и выкрашены черной краской, а борта и перегородки красной; хоть это и не так красиво, и немножко грязновато, однако ж прочно. На судне много команды, и все славные малые, молодцы в красных фланелевых рубашках и синих шароварах, некоторые в парусиновых высмоленных фуфайках, весьма полезных в сырую погоду, когда приходится сидеть в шлюпках день и ночь. Не останавливаясь нигде, мы спустимся в каюту и поклонимся лейтенанту, командующему судном, штурманскому помощнику и мичману; перед каждым из них стоит стакан горячего грога с отменным джином и сахаром. Джин этот они черпают из небольшого анкера, стоящего под столом; они как-то забыли отдать его таможене в числе прочей контрабанды, захваченной при последней поимке одного смоглера. Челом бьем честной компании; здравствуйте, господа!

Позвольте представить вам их по порядку.

Вот лейтенант Эппльбой; не красавец, нечего греха таить, пожилой человек с седыми волосами и рыжими бакенбардами, с круглым бледным лицом и красивым носом; но, могу вас уверить, пьет славно, а дерется еще лучше.

Он служил на судах всех родов и исправлял должность первого лейтенанта в продолжение двадцати лет; теперь, преследуя корчемство, он захватил значительное число анкером джина и ждет себе производства. Жаль, что в послужные списки не вносится тот джин, который усердные чиновники принимают внутрь, а то он бы давно уже получил следующий чин. Теперь он наполняет четырнадцатый стакан грога; привыкнув к регулярной жизни, он ведет им самый точный счет и никогда не переступает положенного числа – семнадцати; тогда только его «раскачает», и он отправляется в койку.

Вот штурманский помощник Томкинс. Он трижды выслужил свои шесть лет и уже перестал питать честолюбивые надежды; и очень хорошо он делает, не бывать ему никогда капитаном первого ранга. Он предпочитает мелкое судно большому, потому что тут не требуется изысканности в костюме, и ждет себе штурманства от первого милостивого манифеста. Мистер Томкинс очень любит мягкий хлеб с тех пор, как зубы его подали в отставку, и всем напиткам в свете предпочитает портер; но, как бы ни было, он не отказывается и от стакана грога, на чем бы грог ни был основан – на роме, коньяке или джине.

А вот мистер Смит! Извините, он с разорванными локтями, но уже целых два месяца он собирается починить свою куртку, да лень достать из чемодана новую. Этого молодого человека сгоняли с половины палуб английского флота за леность; он уж так родился, это не его вина! Мистер Смит считает таможенный тендер самым приличным для себя судном. Здесь, по крайней мере, две трети земного существования можно стоять в гавани; а впрочем, он не отказывается ездить на шлюпках для описания конфискованных судов; там он сидит, развалившись, на корме, это неумоительно. Лазить по бочкам с крепкими напитками на катере, захваченном с контрабандой, – его любимый моцион. Он величайший охотник до грога, но ленится часто подносить стакан ко рту и только смотрит на него и оставляет его в покое. Мистер Смит говорит мало, потому что ему также и лень говорить.

Он прослужил мичманом уже более восьми лет и презирает все производства и сопряженные с ними экзамены, подобные идеи не достойны его.

Таковы особы, сидящие за грогом в каюте таможенного тендера.

– Подождите, дайте вспомнить! Это было, кажется, в девяносто третьем или в девяносто четвертом году. Вы еще тогда не были в службе, Томкинс.

– Право, не помню; уже столько времени прошло с тех пор, как я таскаюсь по морю, что, право, трудно запомнить числа. Но вот что я знаю наверное: это случилось за три дня до смерти моей тетки...

– А когда она умерла?

– Почти год спустя после смерти моего дяди.

– А когда же умер ваш дядя?

– Этого уж я никак не знаю.

– Так видите ли, Томкинс, у вас нет верной точки, от которой бы вы могли вести свое счисление; впрочем, вы уже могли быть в службе в это время. Тогда не столько взыскивали за чистоту костюма, как теперь.

– В таком случае служба тогда была гораздо сноснее теперешней. Нынче на ваших щегольских фрегатах нашему брату подштурману приходится плохое житье: того и гляди, что посадят под арест за грязную куртку. Желая знать, чтобы сказал, например, капитан Пригг, если бы увидел на своих шканцах такого оборвыша, как Смит?

Смит посмотрел на один локоть, потом на другой и после этого обзора продолжал молчать по-прежнему.

– Где я служил в это время? Ну да, это было в девяносто третьем и девяносто четвертом году. Томкинс, налейте ваш стакан и дайте мне сахару... А на котором я остановился? Да! Это пятнадцатый стакан, – сказал Эппльбой, считая белые черты, проведенные на столе; потом он взял мел и провел еще черту. – Этот анкерок не так хорош, Томкинс: посмотрите, какой слабый цвет... мало можжевельнику положили, мошенники! А главное то, что уже мало остается. Может быть, мы будем счастливее в следующее крейсерство. Кстати, Томкинс, мы завтра снимаемся с якоря.

– А я думал, что вы об этом забыли.

– Нет, я регулярен, как часы! Прослужив двадцать лет первым лейтенантом, можно, кажется, привыкнуть к порядочной жизни; я люблю регулярность и люблю также, чтобы и другие поступали со мной регулярно. Вы знаете, Томкинс, что адмирал, после всякого моего прибытия в порт, звал меня к себе обедать; теперь он этого не сделал и велит сниматься с якоря...

– Это скверно с его стороны! Тем более, что у него всякий день обедает множество гостей.

– И я в последнее крейсерство взял три приза, да еще открыл тридцать семь анкеров джина!

– Я их открыл, сударь, – заметил Смит.

– Это все равно. Когда ты послужишь долее, то узнаешь, что открыл все – командир, а прозевали все – офицеры. Ты еще мичман, где тебе понимать эти вещи! Да, на чем я остано-

вился?.. Это было в девяносто третьем или девяносто четвертом году, как я уже сказал; я в то время был на флоте, крейсировавшем в Канале... Томкинс, нет ли горячей воды?.. Эта уже совсем остыла. Мистер Смит, сделайте одолжение, позвоните в колокольчик. Джемс, принеси горячей воды!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.